

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М59

Иллюстрация на переплете Яны Наумовой

Миклашевская, Ольга.
М59 Люди под кожей / Ольга Миклашевская. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-100924-3

Одиночка, внезапно открывшая в себе суперспособности. Маркетолог-самоубийца, невидимка для успешных людей, которого никто не замечает за пределами офиса. Красивая девушка, больше всего на свете мечтающая убить своего возлюбленного. Только один из них настоящий человек. Отгадай — кто?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100924-3

© О. Миклашевская, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

• Оглавление •

Часть первая
КТО-ТО ЖИВЕТ
У МЕНЯ ПОД КОЖЕЙ

1. Отворяется хлевец 11
2. Всех кормит, а сама есть не просит 22
3. На том свете живет, а на этом мрет 41
4. Баба-Яга, вилами нога. 59
5. В лесу родился, а в доме хозяйничает 82
6. Кто два раза рождается,
тот один раз умирает 99
7. Лицом к стене, а спиной к избе 117
8. Нет их быстрее, нет их живее 135
9. Бежит свинья из Питера 152
10. Летит орел, во рту огонь. 169

Часть вторая
ЖИВЕЕ ЖИВЫХ

11. День спит, ночь глядит 189
12. Живая живулечка. 207
13. Одного отца, одной матери. 226
14. Еду, еду — нету следу 247

· ОГЛАВЛЕНИЕ ·

15. Бежала Лиска около лесу близко	261
16. Будем Ваню хоронить, в большой колокол звонить	278
17. Дарья с Марьей видятся, да не сходятся.	296
18. Кровь мою пьют, кости мои жгут	314
19. От коня своего	331
Послесловие от автора	349

История перед вами — исключительно плод воображения автора. Роман ни в коем случае не является пособием по славянским верованиям и культуре, а также путеводителем по современной Москве. А вот про монстров внутри людей все правда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КТО-ТО ЖИВЕТ
У МЕНЯ ПОД КОЖЕЙ

«Что у волка в зубах, то Егорий дал».

Пословица

• 1 •

ОТВОРЯЕТСЯ ХЛЕВЕЦ

Волчий пастырь приходит через время и туманы, чтобы решить: кому жить, а кому умереть. За ним по пятам следуют Тени, чувствуя запах греха и распада. Души без разума, тела без формы.

«Духом пахнет. Твоим духом, пастырь».

Будь он человеком, ухмыльнулся бы, ведь *она* всегда знает, когда он приходит. Еще когда маленькой девочкой была, знала. Пробуждалась среди ночи, тяжело дыша, с наивной уверенностью: уж она-то сумеет его остановить, потому что если не она, то кто?

— Тише, Йама, — шепчет он; не зло, по-отечески, — смотри, разбудишь кого из своих — ему не поздоровится. Ты же этого не хочешь, да?

Она знает, что это правда, что он не шутит, поэтому умолкает. Больше не пытается лезть к нему в голову, а крепко сжимает зубы, обхватывает себя руками, пытаясь утешить. У себя дома она, как, впрочем, и все остальные, никогда не будет в безопасности. Только вот она об этом знает, а остальные — нет.

Некоторые сторожевые псы тоже его чувят. Задирают вверх лохматые головы, принюхиваются, а затем ощущают необъяснимый потусторонний холод, который заставляет их жаться по углам своих ветхих пристанищ, скуля, как беспомощные щенки.

На этот раз пастырь останавливается далеко не сразу. Идет в глубь деревни, через пустые темные дворы, один за другим отменяя подворачивающиеся варианты. С этим все в порядке, другой сам скоро помрет, а у третьего, к несчастью, живет домовый — надежный защитник.

Наконец проводник смерти нащупывает нужный образ. Да, вот и он. Тот, чья судьба у него в руках.

«Как тебя там, Олег?»

Он спрашивает только потому, что точно знает — она услышит. Пастырь физически ощущает, как она резко вздрагивает на другом конце деревни. Чувствует, как ей хочется кричать, плакать, бить его своими слабыми кулачками, пока тот не распадется на тысячу звезд. Только вот прикоснуться к нему нельзя, конечно, если он сам этого не захочет.

«Я еще приду за твоим отпрыском, — обещает он. Не имеет в виду ничего дурного: просто констатирует факт. — Когда ты будешь стара и немощна. Когда твой разум будет замутнен прожитыми жизнями, когда ты будешь смотреть на меня и видеть не врага, а старого друга. И ты отдашь его мне — мне даже не придется просить».

Словно по немой команде Тени срываются в темноту избы, туда, где на печи спит ничего не подозревающий юнец. Гладкие щеки; глубокий, спокойный сон. Душа, уже замаранная так, что сквозь нее ничего не разглядишь, — самое соблазнительное пристанище для Теней. Теперь вся сила, заключенная в этом юном теле, будет содействовать пастырю и его делам. Дела не добрым и не злым, потому что в его мире нет таких понятий.

Хотя Йама вот считает, что она добрая.

«Но это пока, — проносится в голове у пастыря. — Как дьявол является отражением Бога, так и она, Солнце, — отражение Луны». Пройдет время,

и она начнет приглашать наивных путников на ночлег, а после будет отправлять их в печь. Немного лесных трав, немного нарезанной кругляшками морковки — вот и ужин готов.

Тогда-то он будет приходить, заглядывать в окно, встречаться с ней взглядом и спрашивать: «Ну как, победило твое добро?»

А этот сын пахаря будет сражаться со змеем, потрошить русалочки туши и высушивать водяных на безжалостном солнышке. Он станет глазами и руками пастыря там, где простые смертные не видят мертвых, а мертвые почти никогда не видят живых.

Всего несколько мгновений — и вот Тени уже внутри. Уютно устроились, как жидкость, разлившись по благодарному сосуду. Внешне это все тот же мальчик: он все так же лежит на печи, подперев голову рукой вместо подушки, глаза с пушистыми ресницами крепко зажмурены. Можно подумать, паренек видит десятый сон, но в реальности все совсем не так.

Пастырь наблюдает за его смертью, и ни единый мускул не вздрагивает на его застывшем лице. Только такому бессмертному, как он, легко разглядеть тот самый момент, когда душа крохотным светлячком выпархивает изо рта и мчится в сторону окна. Там она юрко проскальзывает между закрытыми ставнями и исчезает в ночи, обреченная блуждать по болотам в поисках утерянного смысла.

2001

Они стоят над ней великанами. Взрослые, надежные, вглядываются в наивное детское лицо.

— Выбирай, что хочешь, милая. — Мама расплывается в сахарной улыбке и тянется за пачкой салфеток.

Папа здесь же — кивает в знак одобрения, поглаживая густую короткую бородку. Он полноват и носит рубашку в красно-синюю клетку, что делает его похожим на дальнбойщика.

— Ну же, родная, поторопись, — не оборачиваясь, бросает мать, толкая тележку в сторону кассы.

Девочка на мгновение замирает и круглыми внимательными глазами начинает рассматривать бесконечные магазинные полки. Броские конфетные обертки так и манят к себе, зазывая в царство вечных удовольствий. Что выбрать: мягкий сладкий творог, покрытый толстым слоем молочного шоколада, или хрустящее сахарное печенье? Кисло-сладкий фруктовый лед или масляное пирожное с ореховой посыпкой?

Сердце глухо колотится в горле, и над головой будто тикает бомба, готовая разорваться в любой момент...

— Дорогая, мы уже оплачиваем! — раздается обеспокоенный голос одного из родителей. Кого — уже не важно. Они остались где-то там, далеко за границей этого восхитительного сладкого королевства.

В отчаянии девочка присаживается на корточки и обхватывает тощие коленки руками. Опускает голову вниз так, что вся она целиком превращается в маленького ежа, свернувшегося клубком посередине обычного супермаркета.

И тут краем глаза она замечает черные тени, скользящие по соседним стеллажам с продуктами. Больше всего они похожи на темные пятна, которые видишь, когда резко открываешь глаза на ярком свете после долгой темноты, нежели на реальность, поэтому сначала она не обращает внимания. Потом, когда наконец решается схватить коробку с сухим завтраком, понимает: что-то не так.

Эти тени не такие, как отбрасывают люди или предметы: они более живые, объемные и более *черные*. Мягкие края теней бугрятся, словно мышцы тяжелоатлета. Прекрасные в своей отвратительной природе, они гипнотизируют ее, слегка подрагивая под люминесцентными лампами.

Тогда, в восемь лет, она впервые поняла, каково это, когда в кино время вокруг героев останавливается, и они движутся, будто в пустоте. Оказывается, и в реальном мире секунда может длиться целую вечность.

Не издавая ни звука, она идет в сторону теней. Медленно, осторожно, боясь спугнуть. Шаг за шагом.

Отец зовет ее, но она не слышит; она как в тумане. Прижимает к груди коробку с хлопьями и упорно двигается вперед. Когда до таинственных теней остается чуть меньше метра, перед ней возникает мужчина в кожаной коричневой кепке, глубоко надвинутой на лицо.

Он возникает в прямом смысле этого слова, ведь еще мгновение назад его здесь не было. Все, что она потом запомнит об этом мужчине, — ярко-голубой, почти неестественный, цвет глаз.

— Эй, ты что тут делаешь? — спрашивает он беззаботно, но она-то видит: губы сжаты в тонкую напряженную линию, взгляд бегаёт туда-сюда, на тени и обратно. Проверяет: она их заметила или все-таки нет?

— Ничего. — Голос слишком хриплый, совсем не тоненький девчачий голосок, каким он должен быть.

— Ну, так давай, беги. — Указательным и средним пальцами мужчина изображает условный бег. Ей восемь, а не три. Не нужно разговаривать как с маленькой.